

ложительные и отрицательные моменты в различных видах организации оленеводства. Заметим, что при описании применения механизированных средств транспорта в пастушеских бригадах (стр. 175—176) авторы не остановились на недостатках, связанных с этим методом: частой ломке механизмов, трудности доставки горючего, разрушении гусеницами тракторов пастбищ. В разделе, где говорится о полувольном выпасе оленей, следовало бы указать на применение этого метода в Мурманской и Магаданской областях (стр. 176). Авторы допускают неточность, проводя границы развития в прошлом оленеводства в округе (стр. 161): и в верховьях Пура, в верхнем и среднем течении р. Таз оленеводство было развито, правда, таежного типа³. К сожалению, звероводство не может обеспечить занятость оседлого населения больше, чем животноводство и овощеводство, как это утверждают авторы, так как оно дает занятия лишь небольшому контингенту лиц. Вызывает сомнение возможность обеспечения растущих потребностей округа (особенно в перспективе его развития) в мясе за счет оленеводства (стр. 204, 255). Оленеводство в первую очередь должно обеспечить мясом и шкурами коренное население, а уже затем — нужды остального населения округа. Материалы Северной экспедиции Института этнографии показывают, что распространенный в прошлом у ненцев загонный способ добычи песка — «талара» — в последние годы стал применяться меньше, а не наоборот, как пишут авторы (стр. 219, 221).

В VIII главе дается детальное описание средств транспорта и связи округа, хотя автору следовало бы указать на необходимость дальнейшего развития авиатранспорта, без которого невозможен переход на оседлый образ жизни оленеводов и охотников.

Заключительная IX глава освещает основные пути развития производительных сил Ямало-Ненецкого национального округа. Отмечая отставание народностей Севера от уровня культуры и быта населения других районов страны, авторы указывают на необходимость увязки развития промышленности в округе и мер к подъему хозяйства, культуры и быта коренного населения.

В заключение отметим, что в целом книга «Ямало-Ненецкий национальный округ» содержит большой познавательный материал и может служить также хорошим пособием для практических работников Крайнего Севера.

³ Г. Д. Вербов, Пережитки родового строя у ненцев. «Сов. этнография», 1939, II, стр. 58; Б. Н. Городков, Западно-Сибирская экспедиция Российской Академии наук и Русского Географического общества. 1924, «Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 671.

З. Соколова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Robert A. McKennan. *The Chandalar-Kutchin*. «Arctic Institute of North America Technical Papers», № 17, 1965, 156 стр.

Монография известного американского исследователя индейцев Аляски Роберта Маккеннана «Кучины-чандалар» посвящена этнографическому описанию небольшой группы (126 чел.) атапасков. Эта группа — одно из восьми родо-племенных подразделений племени кучинов — обитала в 1933 г. на р. Чандалар, северном притоке р. Юкон. Материалом для монографии послужили главным образом полевые наблюдения автора в 1933 г. Называя кучинов-чандалар «племенем», Р. Маккеннан оговаривает условность употребления этого термина, и не только в данном случае, но и применительно ко всем группам атапасков Аляски. Он отмечает, что приводимые в этнографических монографиях «племенные» названия атапасков не являются их самоназваниями, а даются различным географическим подразделениям атапасков их соседями. Сами же индейцы различных групп называют себя вариантами одного термина «дене», что указывает, несомненно, на прежнюю этническую общность всех этих подразделений. Р. Маккеннан, как и другие исследователи, отмечает, что, например, аляскинские атапаски различаются между собой лишь незначительными особенностями в языке и культуре, которые за последние годы быстро стираются. По-видимому, племена атапасков — это довольно поздние территориальные родо-племенные подразделения одного или двух первоначальных племен. Аляскинские атапаски, как известно, образуют вместе с атапасками бассейна р. Макензи северную группу широко распространенных по Североамериканскому матерiku атапаскоязычных племен. В современных распространенных среди этнографов Запада концепциях истории первобытности, отрицающих учение Моргана о роде, северным атапаскам, как и северным алгонкинам, отводится особое место. Они трактуются обычно как носители самой «рудиментарной», самой первобытной в истории общества формы человеческого общежития. Их изображают типичными представителями первобытных извечно кочевых племен охотников

и собирателей, характерной формой социального строя которых изначально является якобы территориально-общинная организация с индивидуальной семьей как основной экономической ячейкой.

Эмпирический материал для подобного рода теорий как-будто давали монографические описания индейцев Северной Канады учеными исторической школы в американской этнографии — этнографами США и Канады. Они предприняли попытку реконструировать на основании своих полевых исследований в 1920—1930-х годах и воспоминаний индейцев-информаторов «аборигенную», т. е. «доколониальную», самобытную культуру индейцев. В свете исследований этих же племен современными этноисториками США все очевиднее становится антиисторическая архаизация современности, являющаяся специфической особенностью прежних описаний.

Рецензируемая монография Р. Маккеннана также является попыткой реконструирования аборигенного образа жизни кучинов-чандалар, однако она выгодно отличается тем, что в ряде вопросов автор отходит от антиисторизма ранних работ. В то же время он отдает, к сожалению, дань некоторому излишнему натуралистическому подходу современных исследователей культуры и личности (например, стр. 55).

«Аборигенный» образ жизни кучинов-чандалар Маккеннан пытается восстановить по воспоминаниям индейцев — его информаторов, а также по сообщениям первых торговцев, миссионеров и путешественников, побывавших в районе расселения исследуемой им индейской группы. Но эти сообщения относятся к концу XIX — началу XX в. Следовательно, приводимые автором материалы характеризуют жизнь индейцев не ранее конца XVIII в., ибо самые старые из его информаторов родились в середине XIX в. А в тот период, несомненно, значительная часть североамериканского материка была освоена капиталистическим предпринимательством, и большинство индейских племен Аляски и канадского Севера попало в орбиту капиталистической эксплуатации непосредственно или косвенно через другие племена. Поэтому едва ли правомерно рассматривать чандаларов XIX в. как совершенно нетронутый осколок доколониального «аборигенного» состояния. Даже при отсутствии прямых контактов с белыми скупщиками пушнины все северные атапаски уже в XVIII в. были втянуты в торговлю пушниной. Об этом убедительно говорят факты, приводимые автором в разделе «Торговые связи» (стр. 25—26), где он прослеживает историю втягивания чандаларов в европейскую меховую торговлю. До появления в этих районах белых скупщиков пушнины, отмечает автор, чандалары состояли в отношениях традиционного обмена с эскимосами (их соседями с севера) и с атапасками группами к западу от них. Устраивались ежегодные торжища, где обмен сопровождался пирами, пением и плясками. Важное место в этой торговле занимали медь и раковины абелон. Последние играли роль денег. Из раковин абелон составлялись частные богатства, которые по традиции раздавались на потлачах. Через своих торговых партнеров чандалары получали и первые европейские товары. Они попадали к ним через чукотско-эскимосскую торговлю и с побережья Аляски, с появлявшихся там русских и английских судов. Позднее, согласно рассказам чандаларов, они установили прямые связи с русским торговым постом, называемым ими «Онда» и локализуемым где-то в районе заливов Кука и Принца Уильяма.

После открытия форта Юкон в 1847 г. все добытые чандаларами меха стали падать в руки скупщиков пушнины К⁰-Г. З. У чандаларов постепенно сложилась традиция: ежегодно к рождеству мужчины на собаках отправлялись в этот форт, выменивали там на меха снаряжение, канканы, табак, одежду, сахар и муку и там же отмечали праздник.

Справедливо указывая на огромное значение для индейцев меховой торговли, автор несколько переоценивает ее. По его мнению, эта торговля якобы создала для индейцев устойчивую пищевую базу, избавила от голодовок, которые, как отмечает автор, постоянно угрожали им в доколониальную эпоху. Однако многие исследователи канадского Севера, и современные, и прошлого века, достаточно убедительно показали, что голодовки индейцев и связанные с этим случаи каннибализма являются следствием ограбления их скупщиками пушнины, а не особенностью «аборигенной» экономики.

Вряд ли можно согласиться с Р. Маккеннаном, когда он наряду с признанием решающего значения для индейцев покупных продуктов, характеризует их хозяйство как натуральное. Ведь для приобретения этих покупных продуктов, создавших «устойчивую базу питания» индейцев, надо было добывать меха — единственный товар, который они могли обменивать на нужные им товары. Правда, и продукты натуральной мясной охоты и рыболовства являлись большим подспорьем в хозяйстве индейцев. Однако при этом необходимо учитывать, что одежда, орудия, посуда, покрывала, палатки, лодки и многое другое в быту индейцев были уже европейского происхождения. Важное значение в развитии товарности индейского хозяйства имело и то, что со второй половины XIX в. создается рынок для продуктов индейского рыболовства. Рыба использовалась как корм для собак, игравших исключительную роль транспортных животных в тот период капиталистического освоения американского

севера, пока на службу не пришла авиация. Из этого можно заключить, что хозяйство индейцев XIX—XX вв. носило комплексный, и в сущности своей противоречивый, натурально-товарный характер; в нем сосуществовали два уклада — товарный и натуральный. И это не могло не отразиться на всех сторонах их общественной жизни.

В первой главе монографии автор описывает социальное устройство чандаларов, их общинную организацию. Здесь же характеризуются их язык, территория расселения, связи с соседними индейскими и эскимосскими общинами. В 1933 г. чандалары составляли три территориальные общины, объединявшие: первая — 65 человек (основана в 1895 г.), вторая — 25 чел. (в 1901 г.) и третья — 36 чел. (основана в 1910-х годах). Во время полевой работы автора живы были еще основатели общин, и население состояло из их потомков с семьями.

Каждая община рисуется таким образом как разросшаяся индивидуальная семья, которую Р. Маккеннан называет «расширенной семьей». В то же время он отмечает, что в общине может быть представлена и одна и несколько «расширенных семей». Так, проведенный им генеалогический анализ состава общин показал наличие в них «одной или нескольких фамильных линий» (стр. 19). К сожалению, автор не приводит конкретных данных о родственном составе общин. Но его выводы характеризуют последний, несомненно, как соседские общины, в которых соседские связи нескольких «фамильных линий» облекались в форму связей по свойству.

К сожалению, открытым остается вопрос о том, что же предшествовало этим общинам. Правда, в своем докладе на VII МКАЭН Р. Маккеннан высказал по этому поводу интересную мысль, разделяемую сейчас многими исследователями социальной жизни северных атапасков и алгонкинов. Подчеркивая глубокое влияние меховой торговли на все стороны жизни атапасков Аляски, он отметил, что эта торговля повела к все большему сосредоточению экономической жизни индейцев в рамках отдельной малой семьи, а не в коллективе общины, которая была не чем иным, по его мнению, как расширенной семьей, возглавлявшейся патриархальной главой. Вскоре после появления первого европейца, — говорил Р. Маккеннан, — община охотников-рыболовов, бывшая основной социальной единицей атапасков Аляски, уступила место полуоседлым деревням вдоль реки. Жители деревни часто представляли несколько разных общин или «племен», первоначальные земли которых были далеко друг от друга.

Таким образом, по мысли Маккеннана, большая семья, как хозяйственная единица, совпадавшая с общиной, предшествовала их современным соседским общинам. Учитывая сведения автора о преобладании в прошлом у чандаларов матрилинейности и матриликальности, эти «расширенные семьи» рисуются как материнские большесемейные общины, коллективизм производства и распределения в которых был связан с натуральным хозяйством и долго сохранялся на его основе.

В 1933 г. община чандаларов, по данным Маккеннана, представляла собою группу отдельных семей разных фамильных линий, связанных узами кровного родства и свойства. В ней был также иноплеменный элемент. Автор подчеркивает, что основной хозяйственной единицей в общине чандаларов была отдельная семья. Последняя, — пишет он, — могла состоять из двух брачных пар, когда, например, семья дочери жила с родителями (стр. 51). Община имела постоянное селение, состоявшее из односемейных бревенчатых изб, амбаров на сваях, палаток. В одном из селений была построена часовня и школа. Селение было центральной базой общины, из которой она или часть ее жителей откочевывали летом на рыбную ловлю, зимой на охоту и промысел пушного зверя. Отмечая, что община сообща владела угодьями для ловли разных пород рыбы, для охоты и промысла пушного зверя, автор в то же время пишет о происходящем процессе раздела угодий на семейные участки, который зашел уже довольно далеко, о чем говорила практика сооружения на семейных промысловых участках бревенчатых охотничьих избушек. Закрепление промысловых участков за отдельными охотниками и индивидуальные счета в лавках компаний, введенные скупщиками пушны с самого начала меховой торговли, несомненно говорили о становлении индивидуальной семьи как экономической единицы и о распаде общинных начал.

Все свидетельствовало о том, что в XX в. члены общины чандаларов превращаются в группу отдельных мелких производителей. Имея в виду соседскую общину чандаларов именно этого типа, Р. Маккеннан справедливо пишет, что в данном конкретном случае он «склонен думать, что эта социальная единица приобретала все большее значение лишь за последнее время вследствие целого ряда факторов». Такими факторами он правильно считает закрепление охотничьих участков за отдельными охотниками, переселение из палаток в бревенчатые, европейского типа избы, возросшее значение рыболовства. Но отвлекаясь от своих конкретных исследований, автор все же поддерживает теорию, согласно которой такая община «является обычной формой социальной организации у большинства народов, занимающихся охотой и собирательством», т. е. теорию, которую он опровергает своим фактическим материалом. Не оправдывается этим материалом и утверждение Маккеннана, что «индивидуальная семья всегда составляла основную социальную единицу» (стр. 51). Оно убедительно опровергается им и в докладе на VII МКАЭН. Неоправданным нам кажется также

положение автора о том, что в обществе чандаларов центральную роль играл мужчина, хотя тенденция к этому уже имела место. Несомненно, добыча охотником мехов как товаров делала его собственником последних и кормильцем семьи, отодвигая на задний план экономическое значение труда женщины. Но сам автор подчеркивает, что положение женщины менее принижено, чем кажется; женщина имеет право собственности — жилище, например, считается ее собственностью. «Более того, преобладающая матрилокальность, — пишет Маккеннан, — способствует сохранению определенного равновесия в относительноном положении обоих полов» (стр. 52).

Интересные данные приводит автор о первоначальной дуально-родовой организации чандаларов и о более позднем появлении третьего рода, группы, которая, по сведениям его информаторов, «стояла между двумя основными родами» (стр. 61), а впоследствии слилась с одним из двух первоначальных родов. Вообще сведения о трехфратриальном или трехродовом делении аляскинских атапасков приводятся многими исследователями, но вопрос этот пока не решен. Автор устанавливает некоторые следы тотемизма в названиях родов, хотя тотемизм в монографии специально не рассматривается.

В своей более ранней работе Р. Маккеннан определенно высказался против широко распространенных в работах американских этнографов попыток объяснения материнско-родовой организации аляскинских атапасков заимствованиями у индейцев северо-западного побережья. Он справедливо писал, что эта организация — древнее явление, присущее и атапаскам, и береговым северо-западным индейцам¹. Но тогда не совсем понятно следующее положение автора. Отмечая, что чандалары исстари вели войны с внешними врагами — эскимосами и индейцами, автор продолжает: «с развитием клановой системы у кучинов-чандалар их войны стали принимать форму родового места и велись внутри племен» (стр. 67). Не противоречит ли это высказанному им в 1959 г. утверждению о древности материнско-родовой организации у аляскинских атапасков? Следы матрилинейности, межродовых обязательств в оказании услуг во время обрядов, связанных с рождением, браком, похоронами, автору удалось установить еще во время его полевой работы. О матрилинейности говорил, в частности, обычай тектонимии, согласно которому отец после рождения ребенка получал новое имя, состоявшее из имени ребенка с суффиксом, означавшим «отец» и значившим «отец такого-то». Бездетных мужчин насмешливо называли «отцом своей собаки». В то же время нарушена была уже родовая экзогамия (стр. 61). Кросскузенные браки были распространены у всех групп северных атапасков. Сообщение же автора, что они практиковались и у чандаларов, но на них смотрели неодобрительно, говорит, несомненно, о далеко зашедшем у них распаде родовых норм. Об этом говорят и сведения Маккеннана о наличии у чандаларов имущественного неравенства, о выделении богатых людей. Характерно, что одним термином обозначался удачливый зверолов и богатый человек. Богатые люди признавались и лидерами общин. Большой интерес представляет сообщение автора о том, что чандалары, в отличие от других атапасков Аляски, потлачей не устраивают, но знают о них все от соседних групп. Непонятно, почему чандалары были исключением в этом отношении, будучи во всем остальном сходными с соседними атапаскскими группами, потлачи которых они детально описывали Маккеннану. Характерно, что в значительно более раннем описании потлача другого родо-племенного подразделения кучинов, — кучинов-кроу, соседей чандаларов, К. Осгуд писал об участии в нем чандаларов, отмечая, что согласно установившейся традиции раздачи сокровищ, чандалары всегда получали шкуры росوماхи, в которых они нуждались для торговли с эскимосами². Это свидетельствует о том, что их участие в потлаче кучинов-кроу было регулярным.

Автор описывает своеобразный институт партнерства у чандаларов. Каждый чандалар выбирает себе партнера из членов другого рода и партнеры были связаны отношениями дружбы, взаимной поддержки, обязанностью делиться плодами своего труда. Известно, что у многих народов такими партнерами являются часто шурины и зять, или мужья двух сестер. Возможно, так было в прошлом и у чандаларов, но память об этом у современных представителей этой группы не сохранилась.

Специальная глава посвящена народным знаниям в области медицины, календаря, географии и пр. Много материалов собрано автором о христианизации чандаларов, бытовании у них религиозных верований, носивших характер религиозного синкретизма, о следах охотничьего культа, медвежьего праздника, шаманизма. Специальная глава посвящена мифологии.

Рецензируемая монография Р. Маккеннана является, несомненно, вкладом в исследование аляскинских атапасков. Автор вводит в научный оборот новый интересный материал о жизни небольшой атапаскской группы.

Ю. Аверкиева

¹ Robert A. McKennan, *The Upper Tanana Indians*, «Yale University Publications in Anthropology», № 55, New Haven, 1959, стр. 126.

² C. Osgood, *Contributions to the Ethnography of the Kutchin*, «Yale University Publications in Anthropology», № 14, New Haven, 1936, стр. 127.